

болѣе же развитыя религіи — христіанство и буддизмъ, обѣ разсматриваютъ жизнь, какъ юдоль печали...

Такимъ образомъ, если нравственный законъ предписываетъ служеніе всеобщему счастью, то это — такая цѣль, относительно которой всѣ согласны, что она неосуществима на землѣ. Если же та цѣль, которая предписывается нравственнымъ закономъ, оказывается въ предѣлахъ земнаго существованія людей неосуществимою, такъ не значитъ ли это что онъ предписываетъ такую цѣль, которая неспособна осмыслить ни его самого, ни нашей жизни, коль скоро нѣть другаго существованія, кроме земнаго? Вѣдь мы уже признали, что лишь та вѣцъ имѣеть смыслъ, которая не только назначена для какой либо цѣнной цѣли, но и дѣйствительно пригодна для ея осуществленія. Да это такъ очевидно, что даже не отрицается и тѣми, кто ищетъ смысла земной жизни въ ней самой. Вотъ что пишетъ почетный авторъ упомянутой мной книжки: «поставить всеобщее счастье нравственною цѣлью своей жизни нельзя уже по одному тому, что это — такая цѣль, въ стремлениі къ которой непремѣнно потерпишь неудачу... Ставить же цѣлью жизни нѣчто недостижимое, прибавляетъ онъ, конечно, безразсудно: могу ли я всерьезъ вѣрить въ эту цѣль, когда я знаю, что успѣха въ стремлениі къ ней имѣть не буду». Нѣтъ, заканчиваетъ онъ, если выбирать разумно цѣль жизни изъ множества воз-